

Охота за счастьем и несчастьем

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1
– Я не знаю, как с наследниками Грина и Пришвина, а вот что касается родственников Алексея Толстого, то они и сегодня – люди знаменитые. Приходилось ли вам согласовывать с ними свое повествование?

– Ни о каком согласовании речи, конечно, быть не может, но мне было бы интересно узнать, как они восприняли те фрагменты, которые были напечатаны в «Москве».

– А вы не знаете?

– Нет. Откуда? Ни с кем из потомков Алексея Николаевича Толстого я не имею чести быть знакомым. Среди них, помимо известных писательниц Татьяны и Натальи Никитиш, есть замечательная исследовательница, профессор славистики Иерусалимского университета Елена Дмитриевна Толстая. Ее работы о писателе – а он также приходится ей дедушкой – превосходны, и я на них с удовольствием в своей книге ссылаюсь. А вообще это очень непростая и непредсказуемая ситуация: как отнесутся родственники или наследники к биографиям своих знаменитых предков. К тому же Толстые – это целая страница в нашей истории, даже не одна. За недостаточную почтительность к Пришвину меня укоряли, за недостаток восхищения Грином от его поклонников досталось, посмотрим, что скажут про Толстого.

– Если возмутятся?

– Как бы к моей книге ни отнеслись, я чувствую свою внутреннюю правоту, потому что старался писать ее честно. Тут такой принцип: всякий раз, когда можно сказать о писателе хорошее слово, я его говорю. Алексея Толстого сейчас в нашей, условно говоря, либеральной традиции принято рассматривать как фигуру негативную. Продался большевикам, красный граф – еще в эмиграции сложилось о нем дурное мнение. Бунин, Алданов, Берберова, Роман Гуль его даже графом отказывались считать – настоящий аристократ так бы не поступил. Ахматова прямо называла его злодеем, Мандельштам ему пощечину дал, и потом пошла гулять легенда, что эта пощечина, которую еврей дал графу, поэта и погубила. У Солженицына есть замечательный рассказ «Абрикосовое варенье», где Толстой выведен в образе человека весьма циничного, и все это правда: Толстой и сам о себе говорил, что сподличать любит. Но он делал и хорошие вещи, например, в эвакуации в Ташкенте помогал сыну Марины Цветаевой Георгию Эфрону. Очень многое делал для Анны Ахматовой, которая принимала знаки его внимания с большим внутренним напряжением, а чаще отказывалась, потому что знала ему цену и была озабочена своей репутацией. И тем не менее он ее искренне любил, и я уверен, что если бы Толстой не умер в 1945 году, то никакого постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» не было бы.

Атаку на Ахматову Жданов задумал еще до войны, задолго до встречи Акумы (так Ахматову звал второй муж, В.К.Шилейко, переводя это слово как «нечистая сила», хотя по-японски это звучит и как «уличная женщина». – Г.З.) с сэром Исайей Берлиным в Ленинграде или триумфального вечера поэзии в Москве, когда из зала Ахматовой подсказывали строки, и все это, как считается, возмутило Сталина и предопределило участь Ахматовой. У Жданова то язык намного раньше зачесался, но помешал академик, депутат Верховного Совета и при этом не член ВКП(б) Алексей Николаевич Толстой. И недаром бунинский «Третий Толстой» – это по большому счету апология.

– Кажется, вы выбираете для своих биографических книг писателей, которые попытались выстроить при советской власти некое параллельное существование. Толстой жил таким барином, Пришвин – в русской природе...

Писатели у нас сегодня отодвинуты от общественной жизни

– Я бы не стал так прямо это утверждать. Такой параллелизм можно найти у кого угодно. А с другой стороны, и «отшельник» Пришвин более жил в своем горячем, наполненном повседневностью дневнике, чем в природе, мучаясь тем, как соединить общественное и индивидуальное. Это проблема – общая для всех, и каждый ее по-своему решает. Что же касается уроков для самого себя... Главный из них – не ныть. Русские писатели всегда на жизнь жаловались – на безденежье, на критику, на гонения, на то, что не печатают, не замечают, а если замечают, то еще хуже выходит. На цензуру и на начальство, а теперь на то, что ни начальства, ни цензуры нет. Но когда узнаешь жизнь Александра Грина, то такими мелочными кажутся все наши литературные невзгоды! Грин в этом смысле – самая, наверное, трагическая фигура в троице моих персонажей. У Пришвина есть рассказ «Охота за счастьем». Жизнь Грина можно было бы назвать «охотой за несчастьем». Во всей русской литературе Серебряного века трудно найти писателя с такой горькой судьбой, как у него.

При том, что после революции его не сажали, не ссылали, даже особенно и не ругали по сравнению с другими и напечатили при его жизни почти все, что он написал. И тем не менее страшного была его жизнь. Я, когда начинал о нем писать, не знал почти ничего, в детстве читал «Алые паруса», вот и все. А когда дни напролет сидел в РГА-ЛИ, когда разбирал его неразборчивые письма к жене, жены

к нему, переписку первой и второй жены, их неопубликованные мемуары, судебные дела, иски, передо мной вырисовалась очень горькая фигура, я так явственно понял, сколько приходится писателю за талант платить. Потому современные жалобы на то, что писатели нынче не очень хорошо живут, да я и сам сколько раз вздыхал по этому поводу, – все это смешно.

– Интересно, как строятся отношения автора с такой серией, как «ЖЗЛ». У них имеется некий определенный список имен, которые они планируют «увечевить»?

– Думаю, что какой-то определенный план у редакции есть. Конечно, когда ты пишешь книгу для «ЖЗЛ», это не то же самое, что писать роман по собственному вкусу и потом предлагать его толстому журналу или в издательство. «ЖЗЛ» делает определенный заказ, автор этот заказ выполняет. Другое дело, что все три книги, которые у меня были, проходили без какого бы то ни было вмешательства

со стороны издательства. От меня не требовали что-либо исправить в свете возможных, например, сомнений со стороны родственников или наследников, о чем мы говорили. Все права и приоритеты отдавались автору, поэтому с издательством «Молодая гвардия» мне хорошо работается.

– Своих коллег по литературному цеху вы читаете?

– Самую современную литературу я несколько хуже знаю. Но авторов своего поколения, конечно, читаю: и Александра Яковлева, и Светлану Василенко, и Антона Уткина, и Владислава Отрошенко, и Андрея Волося, и Бориса Евсеева. Из писателей более старших: Бориса Екимова, Леонида Бородин, Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Маканина, Андрея Битова, Леонида Зорина, Анатолия Кима, Анатолия Азольского. Многих. Недавно прочел замечательную книгу рассказов и повестей Гарри Гордона «Пастух моих коров». Очень люблю Виктора Астафьева и благодарен судьбе за то, что дважды побывал у него в Овсянке. Из писателей предшествующих десятилетий назвал бы Шукшина, Константина Воробьева, Юрия Казакова, Евгения Носова, очень люблю Юрия Осиповича Домбровского.

– Путь Солженицына неотделим от его общественной деятельности. А сегодняшние наши мастера культуры или сразу в Общественную палату идут, или – без общественных амбиций – отмалчиваются просто. Ваша позиция?

– Серьезной общественной деятельностью мне никогда не приходилось заниматься, сомневался, что когда-нибудь придется. Общественная палата... Я не знаю, будет от нее толк или нет, но заметьте, писателей там очень мало. Помимо Бородина, кажется, только Ганичев. Все больше артисты, адвокаты, певцы, и то, что писатели у нас сегодня отодвинуты от общественной жизни, что писателей мы гораздо реже видим на экране телевизора, чем актеров или режиссеров, прежде всего плохо для самого общества. Прямого писательского слова, связанного с общественной тематикой, нам сегодня не хватает. Солженицын вел передачу в 90-е годы, у него ее отняли. А как было бы замечательно, если бы сегодня была своя программа на телевидении у Леонида Бородина. Или у Валентина Распутина. А часто ли мы видим на экране Маканина, Битова, Олесью Николаеву?

– Во время церемонии вручения премии Солженицына лауреату дается возможность выступить со своего рода манифестом, огласить свой принцип веры. Этим она отличается от всех других, где звучат благодарности родителям и продюсеру...

– Ну, родителей-то все равно поблагодарить не худо, да и продюсеров-издателей тоже. А вообще, может быть, для того и объявляется премия за полтора месяца до ее вручения, чтобы осмыслить формулировку, которая была предложена. И как я понимаю, та речь, которую лауреат должен произнести, это его ответ на эту формулировку, его понимание – за что ему присуждена премия. Задача сейчас передо мной – обдумать свой ответ.

Беседовал Григорий Заславский

Из досье «НГ- Ex Libris»
Алексей Варламов родился в 1963 г. в Москве. В 1985 г. окончил филологический факультет МГУ. Доктор филологических наук. Читает спецкурс по литературе Серебряного века на филологическом факультете МГУ. Дебютировал как прозаик в журнале «Октябрь» в 1987 г. Автор книг прозы: «Дом в Остожье», «Здравствуй, князь!», «Ночь славянских фильмов», «Затонувший ковчег», «11 сентября», «Пришвин», «Александр Грин». Печатается в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Москва», «Знамя», «Грани», «Литературная учеба», «Подъем» и др. Член Союза российских писателей. Лауреат премий лейпцигского литературного клуба «Lege Artis» за лучший русский рассказ (1995), Антибукер (1995), журнала «Октябрь» (1995, 1997), газеты «Московский железнодорожник» (1997), издательства «Роман-газета» (1998). В 2006 г. награжден Премией Солженицына «за тонкое исследование в художественной прозе силы и хрупкости человеческой души, ее судьбы в современном мире; за осмысление путей русской литературы XX века в жанре писательских биографий».